

Татьяна Никитина о себе

Из детских воспоминаний

Поездки

Летом мы почти всегда уезжали в Москву. Сначала поезд шел целую неделю. Еды было не наготовить на такой срок. По дороге жаренные куры и котлеты портились, вареная картошка прокисала, огурцы увядали, и надо было все покупать на станциях, где останавливался поезд. Тогда еще все носились на остановках за кипятком, который набирали из кранов. Мама кипятков не брала, но покупала вареную картошку, яйца, соленые огурцы, ягоды, и первые ландыши, когда поезд въезжал в лесные просторы. Я тряслась от страха, что мама, папа или бабушка отстанут от поезда.

Таня и Юра с друзьями детства:
Зара вторая слева, Гуля – четвертая слева

Иногда приходилось ходить в ужасный вагон-ресторан, тоже незабываемый «аромат»! Тогда мы проходили через «купейные» и «плацкартные» вагоны, где томились несчастные люди в антисанитарных условиях. Мы ездили в «мягком» вагоне, но иногда туда не было билетов, и как-то нам посчастливилось ехать в международном двухместном. Это уже была роскошь с бархатными полками и персональным туалетом!

В поезде было ужасно жарко, а если открывали окна, то постепенно угольная пыль оседала на всех и всём. В начале лета все степи Узбекистана и Казахстана до самого горизонта были ярко зелеными с целыми полянами красных маков. А вот на обратном пути эти степи становились пустынями с растрескавшейся от зноя землей и сусликами, которые не боялись шума поездов и вылезали наружу.

В Самарканде иногда к поезду приходили папины племянники и другие родственники, осенью они приносили нам виноград из своего сада. Ничего лучше этого винограда я никогда не ела – это был кишмиш без косточек, необыкновенной сладости. Я ужасно жалела эту родню, наверное, стыдилась, что мы были «богатыми» на их фоне. Если папа ехал с нами, он каждый раз показывал крышу какого-то дома и говорил, что там он рос.

Осенью после лесов Оренбурга весь пейзаж был безрадостным – все выгорало и покрывалось густым слоем пыли. Путь казался бесконечно длинным. Хорошо, когда с нами ехал кто-нибудь из знакомых, особенно дети. Мы с братом бесконечно томилась. Юрочка спал с мамой на одной полке. Я спала наверху и среди прочих страхов всегда боялась грохнуться оттуда вниз.

На то были основания, потому что как-то раз мы ехали с нашими друзьями, и их младшая дочка Заринка брякнулась с верхней полки, что всех страшно испугало. Сестра Зарочки Гуля была моей самой любимой подругой. Я долго носила в душе эту любовь, даже, когда мы выросли, и наши пути окончательно разошлись. Теперь Зара живет в Лос Анжелесе, и она для меня как младшая сестра, наверное, это отголосок детства и той детской любви.